

МИЛАЯ НЕЧИСТЬ

СБОРНИК РАССКАЗОВ
О ДОМОВЫХ, ВОДЯНЫХ
И ЛЕШИХ

**Ольга Рэд
Ольга Кузьмина
Андрей Миллер
Вера Сорока
Дарина Стрельченко
Михаил Крыжановский
Лина Павлова
Лариса Львова
Антон Мокин
Милая нечисть**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65778449

Рассказы. Милая нечисть // Крафтовый литературный Р24 журнал

«Рассказы»: Крафтовая литература; Томск; 2021

ISBN 978-5-6046114-6-3

Аннотация

Нечистая сила может быть доброй. Жить себе за печкой, помогать по дому. Или, во всяком случае, думать, что помогает. А может доброй и не быть...

Не стоит судить по внешности, особенно домовых. Все равно не угадаешь с характером. Водяные, лешие... может, все мы добрые. А может, и не все. Да и кто нас вообще видел?

Содержание

Ольга Кузьмина	6
Ольга Рэд	37
Вера Сорока	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Милая нечисть

Рассказы

© Ольга Кузьмина, Ольга Рэд, Вера Сорока, Лина Павлова, Лариса Львова, Дарина Стрельченко, Андрей Миллер, Антон Мокин, Михаил Крыжановский, текст, 2021

© Анастасия Оршанская, иллюстрации, дизайн обложки, 2021

Ольга Кузьмина

Из огня да в полымя

С утра на улице зарядил мелкий ледяной дождь впере-
мешку со снегом, словно не апрель на дворе, а лютый фев-
раль. Нос во двор не высунешь. Тихон без дела слонялся
по подполью, без особой надобности передвигая горшки на
полках. Косился на пауков в углах, не запылилась ли где пау-
тина, не пора ли смахнуть, чтобы новую сплели? Слазил на-
верх, выглянул из-под печки, оглядел избу. Выметено чисто,
посуду он ночью всю вылизал. На заре хозяин, не поевши,
оседлал коня и ускакал по делам, а хозяйка еще с кровати
не поднялась. Служанку давеча выгнала, а сама дрыхнет до
полудня. Кто печь топить будет?

Тихон неодобрительно побряхтел и вернулся в подпол. Не
повезло ему с хозяевами. Вроде и дом – полная чаша, а по-
рядка нет. Обычаев не соблюдают, пустякового подарка и то
никогда не подарят – ни лоскутка цветного, ни монетки с
Егорием под ясли, ни хлеба куска в подпечье... Служанки то
и дело меняются, привыкнуть не успеешь. И все городские,
порядку не знают. Мисочку с молоком, как положено, с по-
клоном да приговором не ставят. Раньше хоть Митька, кот
рыжий, позволял лакать из его миски. А теперь нет Митьки.
Старый стал, сослепу, как котенок, в углы тыкался. Прика-

зала хозяйка – в мешок да в реку. Принесли молодого кота – серого, полосатого. Тихон его выжил. Эх, люди, люди, чело-веки, никакого в вас понятия нету! Кота, да и всю скотину, в масть домовому заводят. Вот у хозяина конь Огонек, ухо-женный, каждую ночь Тихон ему гриву чешет, в косицы за-плетает. В конюшне порядок – хоть живи там.

И куры рыжие круглый год несутся, не болеют, не парши-веют.

На крыльце загрохотали сапоги – хозяин вернулся. Что-то закричал с порога. Хозяйка ответила – сначала сонно, потом визгливо, в голос. И понеслось по кочкам...

Тихон затосковал. Может, он сам виноват? Испокон веков порядок заведен: коли домовой с домовихой душа в душу живут, так и хозяева голубками милуются до старости. А он бобылем кукует, никак не найдет свою суженую. Хотя, каза-лось бы, жених Тихон завидный. Порядок в его хозяйстве – залюбуешься. Самая разборчивая домовиха не придерется. В подвале сухо, ни клопов, ни тараканов нет. Закут заповед-ный, от людских глаз скрытый, чистый да уютный. Все, как положено, – сундук, коврик плетеный, лавка, одеяло лоскут-ное. Подушки, мягким пухом набитые, Тихон сам собирал в курятнике – пушинку к пушинке... И возраст у него са-мый подходящий для женитьбы – сто двадцать пять зим. Вот только городские домовихи нос воротят. Им подавай жени-ха с домом каменным, да чтобы непременно в три этажа! А деревенские... Тихон тоскливо вздохнул. Не повезло ему с

мастью. Опасаются деревенские рыжих. Прямо хоть на кикиморе женись! Только какая из кикиморы жена? Воровство одно да пакости исподтишка. Верно люди говорят: «Хорошо прядет кикимора, а рубахи от нее не дожدهшься».

Наверху загрохотало, зазвенело. Посуду бьют! Тихон накрыл голову подушкой, чтобы не слышать этого безобразия, не надрывать сердце. Только бы до поставца с голландским фарфором не добрались! Нравились Тихону синие картинки на больших белых тарелках: крутобокие кораблики с раздутыми парусами, мельницы, лошадки, люди, по-иноземному одетые...

Интересно, водятся ли в иных краях домовые? Сосед Минька хвастался, что как-то раз спрятался в карете и в самый центр Петербурга ездил – на Аглицкую набережную. Видел там заморского домового – в коричневом сюртуке, в белых чулках. Важного, через губу не переплюнет. Врет, небось. Какой же домовый, хоть и аглицкий, решится в чужую страну через море плыть?

Тихон пригрелся под подушкой и сам не заметил, как задремал. Проснулся от негромкого, но настойчивого стука в завалинку. Протер глаза и прямым ходом, как домовые умеют, шмыгнул из дома на двор. Эх-ма! Полдня проспал, вечереет уже.

За углом дома трижды тявкнули по-лисы. Тихон страдальчески сморщился.

– Иikka, дурья твоя башка! Опять соседских собак драз-

нишь? Дошутишься, оторвут хвост!

– Это еще кто кому оторвать!

Перед Тихоном появилось сгорбленное угольно-черное существо – лохматое, с длинными руками. Мокрая гладкая шерсть резко пахла лесной прелью и зверьем. Желтовато-красные раскосые глаза смешливо помаргивали, длинный хвост с кисточкой на конце шлепал по лужам. Иikka был еще молодой тролль, не знал, куда силу девать. Оттого и бегал на посылках из чухонских краев до окраины Петербурга. Собак он не боялся – с его-то когтями и волчью стаю одолеть можно.

– Terve¹, Тихон! Готово?

– Уже три дня как сделал. – Тихон нырнул в подполье и вернулся со свертком. Недовольно глянул наверх на непрекращающуюся морось, но звать тролля в дом не стал. Развернул холстину, показал свою поделку – деревянный сундучок с глубокой, почти сквозной резьбой.

Иikka восхищенно ахнул.

– Как ты уметь – больше никто не уметь!

Тихон польщенно зарделся. Сундучок ему заказал старейшина троллей, в подарок своей невесте. Тихон постарался, вырезал лесные узоры – листья, зверей, цветы всяческие. Троллям такое нравится.

– Аккуратно носи, не поцарапай. – Он старательно завернул сундучок и обвязал веревкой.

¹ Terve – финское приветствие, дословно переводится, как «здорово!»

Иикка забросил сверток за плечи и сунул Тихону ведерный липовый бочонок.

– Мухоморовка. Как договариваться.

Тихон крикнул, принимая оплату. От бочонка пахнуло таким ядреным ароматом, аж голова закружилась. Тролль на смешливо ухнул.

– Не надумать еще к нам перебраться? Мы тебе и хутор присмотреть.

Тихон помотал головой.

– Благодарствую, мне и здесь неплохо.

– Ну, как знать. Бывать здоров, перру²!

Тролль исчез. Тихон сердито засопел. Иикка прилично говорил по-русски, но любил вставлять в речь финские словечки, отчего домовый чувствовал себя дурак-дураком. Звучит зачастую до ужаса обидно, а спросишь – совершенно невинное слово. Наоборот тоже случается. Лучше не спрашивать.

Он вернулся в свой закут, пристроил драгоценный бочонок в углу. Троллий самогон из мухоморов питерские домовые ценили на вес золота. И не только домовые. Хозяин Невы иной платы за свои услуги не принимал. Обычно-то домовые стараются держаться от большой воды подальше. Но как тут удержишься, коли весь город каналами да речками изрезан? То и дело приходится на поклон к водяницам идти.

Тихон прислушался – наверху мирно журчали голоса, в щели проникал вкусный запах кофея. Угомонились, стало

² Перру – финское ругательство – «задница».

быть, вечеряют. Можно покамест к соседу наведаться, новости узнать.

До соседа Тихон не дошел, обнаружил кудлатого, пегого Миньку на улице, в окружении домовых и домових. Тот взахлеб что-то рассказывал.

– Пол-лавки сгорело! И в доме все – дотла! От книг один пепел остался!

Слушатели ахали и охали. Нет для домовых большей беды, чем пожар.

– Кто погорельцы-то? – спросил Тихон.

– Шотландцы с Галерной улицы, – ответил Минька. – Я там кое с кем перемолвился словечком. Энтот Арчибальд Мерлиз – как есть колдун. Из Англии своей не токмо простых слуг привез, но и еще кое-кого.

– Все англичане – чудаки спесивые, – вставил седобородый Прошка с соседней улицы. – С бесами, небось, связался?

– А то! – авторитетно заявил Минька. – Верно говорят, сколько веревочке ни виться, а конец будет. Среди бела дня налетел огненный бес, когда Арчибальда дома не было. Крышу сорвал – и в библиотеку! Ясное дело, бумага лучше всего горит. Хорошо, соседи вовремя собрались, потушили, а то бы вся улица выгорела.

На рассказчика посыпались вопросы. Больше всего домовых интересовало, выжил ли кто-нибудь из слуг-нелюдей шотландского колдуна? И усмирен ли огненный бес, или ждать новых пожаров? Но Минька таких подробностей не

знал. Покачивая головами, домовые начали расходиться.

Тихон домой не пошел. В эту ночь в развалюхе на отшибе домовихи собирались на девичник. Ежели вовремя рядом оказаться, глядишь, и пригласят.

В развалюхе еще никого не было. Тихон встал на крыльце, оправил синий кафтан, потуже затянул алый кушак. Смахнул с рыжих кудрей мокрость, приосанился. И вдруг услышал, как на дальнем конце улицы залаяли собаки. Перекидываясь со двора на двор, заполосный лай докатился до окраины. На человека собаки иначе брешут. Заяц, что ли, забежал или лисица? Ветер принес отчетливый запах гари. У Тихона мурашки побежали по спине. А вдруг это бес? Или кто похуже? Мало ли кого аглицкий колдун в помощниках держал?

Тихон нерешительно потоптался, не зная, то ли домой бежать, то ли подождать и высмотреть беглеца. Любопытство пересилило осторожность. Тихон притаился под крыльцом, насторожив чуткие уши. Легкий топоток пронесся по дощатой отмостке, колыхнулся прошлогодний бурьян, и прямо на Тихона выскочил кто-то маленький, с копной спутанных, пропахших дымом белых волос.

Они одновременно вскрикнули и уставились друг на друга. Глаза у беловолосого существа оказались круглые, перламутровые, и на худеньком треугольном личике казались огромными. И очень испуганными.

«Кикимора, что ли? – подумал Тихон. – Нет, не похожа. И не лесовушка, у тех волос зеленую отливают...»

Простая холщовая рубаша незнакомки, вся в прожженных дырах, была испачкана сажей. Сама она дышала натужно, со свистом и хрипами.

– Помоги... – растрескавшиеся губы едва шевельнулись. – Помо...

Перламутровые глаза закатились, и она свалилась прямо на руки Тихону. Он растерянно прижал к себе невесомое тело. Куда ее? Домой? А если огненный бес за ней гонится? Или хозяинколдун? А, где наша не пропадала!

И Тихон побежал, держась поодаль от постоянных троп домовых. Ввалившись в родной подвал, первым делом уложил нежданную гостью на лавку, а сам обежал дом – сначала изнутри, потом снаружи, обводя и жилище, и все подворье охранным кругом. Сильного колдуна не задержит, но беса со следа собьет.

Хотя бы на время.

Когда Тихон вернулся, незнакомка уже сидела на лавке, обхватив себя за плечи, и тряслась так, что зубы стучали. Домовой кинулся к сундучку, достал расписную чашку с отбитой ручкой, которую хозяйка в сердцах выбросила, а он подобрал. Плеснул из бочонка.

– Глотни, полегчает.

Она глотнула. Замерла, задохнувшись. Потом задышала, допила остаток.

– Что... это?!

– Мухоморовка. – Он осторожно присел на другой конец

лавки. – Тролли ее из грибов варят... Ну, в основном из грибов.

– Тролли... – повторила она. Голос у нее был странный – словно играла треснувшая дудочка. – А ты домовой?

– Верно. – Тихон осознал, что во все глаза таращится на проглядывающие в прорехи рубашки голые коленки гости, и смутился. – Тихон я. А тебя как называть?

– Гругаш.

Слово прошелестело камешками с осыпи. Тихон попробовал повторить. Нет, не подходило это имя девице с паутинчатошелковыми волосами и лунными глазищами.

– Ты с пожара? Из дома аглицкого колдуна?

Она насторожилась. Круглые глаза сузились.

– Слышал уже? Ты не бойся, я только отдышусь и уйду.

Тихон жарко покраснел.

– Ничего я не боюсь! Оставайся, сколько хочешь, я тебя никому не выдам.

Она улыбнулась.

– Ты добрый. У нас говорят, что встретить рыжего – к удаче. Повезло мне.

У Тихона потеплело внутри. Душа ворохнулась и запела варакушкой. Дождлся! Вот оно – его счастье! Само в руки прибежало!

– Не обидишься, если я тебя Груней звать буду? – Хоть горшком назови, только в печь не ставь.

– Ишь ты! – восхитился домовой. – По-нашему говоришь,

как здесь родилась. Когда только успела научиться?

– Я уже семь лет в вашей стране. – Она вздохнула. – Говорить легко, понимать трудно.

Она снова начала дрожать.

– Мне бы сажу смыть...

Тихон вскочил, засуетился.

– Сейчас воду принесу. У меня и мыльный корень припасен, и ромашка вот сушеная, голову мыть...

Он вынимал из сундука мешочек за мешочком. Положил на лавку чистую рубаху – прадедовскую, длинную, с вышивкой по подолу.

– Велика тебе будет, но можно поясом стянуть. А старую лучше сжечь.

Пока гостя мылась, Тихон прокрался наверх, набрал оставшуюся у людей с ужина еду: кусочки хлеба, полмиски каши, прихватил поломанный печатный пряник и горсть леденцов из приоткрытой жестянки. Прожженную рубаху свернул и засунул в поленья. Утром хозяйка примет ее за скрутку бересты и первым делом в печь отправит.

Вернувшись в подполье, Тихон едва не выронил свою добычу. Гругаш сидела на лавке, поджав одну ногу, и длинными пальцами расчесывала чистые, мерцающие волосы, полупрозрачной волной покрывающие худенькое тело. В подполье пахло летом.

– Рубаху... – хрипло выдавил Тихон. – Рубаху-то надень! Она капризно сморщила острый носик.

– Я в ней утону! Ох, ну ладно, не смотри так.

Тихон отвернулся, раскладывая еду на крышке сундука. Когда обернулся, Гругаш уже стягивала широкую рубаху витым пояском. Лукаво глянула на него из-под волос.

– Какой ты застенчивый. Или не нравлюсь?

– Нравишься, – буркнул он, не зная, куда девать руки от смущения. – Угощайся вот... Чем богаты...

Сам он сумел сжевать только корочку хлеба. В голове плавал ромашковый туман. Сердце то замирало, то пускалось галопом, стоило Груне придвинуться поближе.

– Благодарю тебя за гостеприимство. – Она смела в ладонь крошки и слизнула узким розовым языком. – А теперь слушай. Не хочу, чтобы ты пострадал за свою доброту. Нет! – Она прижала палец к его губам. – Молчи! Сначала выслушай. За мной беда идет, Тихон. Огненная беда. Арчибальд Мерлиз, мой бывший хозяин, поссорился с одним из местных магов.

– С кем? – не понял Тихон.

– С колдуном, – поправилась она. – Украл у него кое-что... с моей помощью. А тот в отместку наслал огненного демона – беса, по-вашему. Ох, Тихон, какой это был кошмар! Одно хорошо, демон разрушил заклинание, которым Мерлиз меня связал. Теперь я свободна. Но демон меня ищет. Я ему сильно досадила. Так что бежать мне надо.

– Куда бежать?

– В порт. Попроюсь на какой-нибудь отплывающий ко-

рабль. По воде огненный демон за мной не погонится.

У Тихона земля ушла из-под ног.

– Да как же это? – беспомощно забормотал он. – Не надо тебе в порт. Оставайся, Грунюшка! Я что-нибудь придумаю!

Она ласково погладила его по щеке.

– Славный ты, Тиша. Но демон сильнее нас обоих. Он от твоего дома одни головешки оставит.

– На любую силу управу найти можно, – возразил Тихон. – Ты вот что, ты ложись, отдыхай. А я схожу, переговорю кое с кем.

* * *

Водяники есть в каждой воде – и в речке, и в озере, и в пруду. Какова вода, таков и водяной. Хозяин Невы нравом обладал крутым, независимым, частенько спорил с самим царем морским. От их столкновений случались в Петербурге наводнения, потому домовые водяного не любили. Легко ли раз за разом восстанавливать затопленное хозяйство? Зато все худо-бедно, но умели плавать.

Тихон в обнимку с бочонком второй час мерз на гранитных ступенях набережной. С хозяином Невы он водил близкое знакомство, но в апреле водяные только-только пробуждаются от зимней спячки и оттого бывают не в духе. Докричаться до них – каторжная работа. Тихон уже осип, даже обещание мухоморовки «для сугреву» не помогло, хотя обыч-

но одного запаха самогона хватало, чтобы приманить хозяина Невы со всей его свитой. Когда домовый уже решил, что водяники за зиму не иначе как оглохли и нюх потеряли, на ступени плеснула волна, промочив Тихону лапти. Он тихо зашипел сквозь зубы.

– Чего вопишь? – Из темной воды высунулась длинная, узкая морда. Водяной явился в обличье огромной щуки, покрытой густым, как у выдры, мехом. – Я, чай, не глухой. Тихон, что ли? Узнаю, узнаю... Доченька на твой гребень не нарадуется.

Мухоморовку принес? Дело хорошее. Говори, зачем пришел, только коротко. Занят я, дел много.

Тихон рассказал про огненного беса. Водяной подплыл ближе, задумчиво положил вытянутую морду на гранит. Тихон опасливо отодвинулся от острых, как шилья, зубов.

– Слышал я про эту историю. В воду беса заманить, стало быть, хочешь? А ты подумал, дурья твоя башка, что эдак ты меня с Папилкином поссоришь?

Тихон обмер. Гругаш не назвала имя колдуна, с которым сцепился шотландец Мерлиз. Но если это знаменитый на всю округу финский чародей Папилкин – плохо дело. Поговаривали, что он и с огнем, и с водой одинаково ловко управляет.

А бесов у него в подчинении видимо-невидимо!

Водяной шумно вздохнул и причмокнул.

– Ты чего хочешь-то? Чтобы колдуны от твоей зазнобы

отстали? Ну, не красней, не красней, я вас всех насквозь вижу. Ладно уж, помогу. Пусть она завтра, как стемнеет, заманит беса сюда. И ныряет ко мне. Огненный бес в воду не ползет, а я твою Груню подхвачу и унесу подальше. Все и решат, что она утонула.

Тихон поежился.

– Вода-то у тебя ледяная...

– Не бойсь, не замерзнет. Я свое дело знаю. Все, иди. Мухоморовку только оставь!

* * *

Когда Тихон вернулся, Груня спала, с головой накрывшись одеялом. Тихон умиленно заулыбался. Осторожно взял вторую подушку и устроился на сундуке, но спать не стал. Сидел, чутко прислушиваясь к наружным звукам. И все думал, как они с Груней хорошо жить станут, когда избавятся от беса. Краса у нее, конечно, иноземная, непривычная, но, если обрядить в сарафан и платочек, загляденье выйдет. И смелая она, и умная. А главное – он ей понравился! Тихон даже всхлипнул от переполнявшего его счастья. Не заметил за мечтами, как утро наступило. Наверху поднялся привычный шум, но в этот раз Тихону было не до хозяев.

Груня, проснувшись, одарила его такой улыбкой, что он как на крыльях воспарил. Тут же пересказал ей слова водяного.

– Неглупый план... – Она покусала губу. – Вот только я плавать не умею.

Тихон озадаченно почесал за ухом. О таком повороте он даже не подумал.

– Так это даже лучше, – нерешительно сказал он. – Убедительнее выйдет. Водяной утонуть не даст, а холода не бойся – я тебя потом отопрею.

Она хмыкнула, глянула искоса с такой лукавинкой, что у Тихона щеки запылали.

– В смысле, в баню свожу... – забормотал он, запинаясь.

– Пропаришься...

– С тобой вместе? – Она засмеялась надтреснуто. – Ладно, пусть будет так.

– А чем ты бесу досадила? – поспешил вернуть разговор в безопасную колею Тихон.

– Я на него чашу со святой водой опрокинула. В церкви. Там крестины шли, кажется. Ох и переполоху было! Думала, все, конец демону. А он выжил, вернулся к своему колдуну, рассказал, кто у него кольцо стащил.

– Кольцо?

Она махнула рукой.

– Мерлиз – жадный сукин сын. Мало своей удачи, чужую захотел. Волшебное кольцо потребовал. Пришлось раздобыть. Уж не знаю, поможет оно ему теперь или нет? Да и знать не хочу. Мне бы со своей бедой справиться. Демон не отстанет, пока не убедится, что я погибла.

– Водяной все сделает в лучшем виде, – как мог убедительнее сказал Тихон.

Она бледно улыбнулась.

– Я посплю еще, ладно? Во сне ко мне силы возвращаются.

– Спи, конечно! – Он подsunул ей и вторую подушку. При мысли, что худенькой Грунюшке придется нырять в ледяную Неву, его самого начинала бить дрожь.

Гругаш проспала до вечера. Тихон пытался делать обычные дела, но у него все из рук валилось. До того дошло, что напугал новую служанку, попавшись ей в сених под ноги. Когда пали сумерки, он осторожно потряс Груню за плечо.

– Пора.

Она проснулась сразу, посмотрела на него без улыбки.

– Ну пойдем. Ты держись подальше, Тихон. Не надо, чтобы демон тебя почуял.

Он только кивнул и вытащил из сундука кусок овчины.

– Завернешься потом.

Она помотала головой.

– Лишняя тяжесть, не бери. Ничего, переживу как-нибудь, мне и труднее приходилось.

«Проклятый колдун! – в сердцах подумал Тихон. – Ничего, это в последний раз, Грунюшка. Поженимся – я с тебя пылинки сдувать буду!»

Гругаш выскользнула из дома первой. Тихон помедлил пару минут и только потом поспешил следом. Беса он увидел сразу. Огненный шар завис в расчистившемся небе, как

двойник полной луны. Караулит, гад! Почуял, что где-то здесь след оборвался!

Шар дрогнул, с ленивой неспешностью поплыл над крышами. Заметил! Где-то там, петляя между дворами, бежала Груня. Бес ускорился, заметался из стороны в сторону.

Тихон начал задыхаться. Не привык он к таким пробежкам. Домовые умеют сокращать дорогу, но он боялся упустить беса из виду и сквозь дома пробегал только изредка. Когда примчался к условленному месту, его пыхтение, должно быть, весь город слышал. К счастью, бесу было не до Тихона. Огненный шар спикировал прямо к уходящим под воду гранитным ступеням набережной. Тихон увидел Груню, только когда она ласточкой прыгнула в реку. Разъяренный погоней бес, брызгая искрами, метнулся следом.

«Не так должно быть!» Тихон вскочил на парапет, всмотрелся. Под водой бес превратился в подобие человека, но огонь его не погас. Было видно, как он схватил маленькую белую фигурку. Под ними в глубине что-то промелькнуло. Вмешается водяной или нет? Тихон не стал дожидаться и как стоял, так и сиганул в Неву.

Ледяная вода ожгла не слабее огня, но Тихон уже начал меняться. Домовые – оборотни из самых умелых, куда до них волкодлакам! Правда, превращаются домовые исключительно в наземных созданий. Рыжий пес, отчаянно загребая лапами, ринулся к огненному бесу и вцепился в него зубами.

«Пусти! – взвизгнуло внутри головы Тихона. – Не мешай-

ся не в свое дело, шавка!»

Пес только сильнее сжал челюсти и потащил беса в глубину. Тот выпустил свою добычу и ударил по Тихону – как молнией прострелило. Мимо скользнуло длинное тело – водяной подталкивал бесчувственную Груню наверх. Вот и славно... Еще чуть-чуть продержаться... Пасть горела, перед глазами плыли цветные пятна, грудь сдавило.

«Проклинаю... – голос в голове слабел. – Пламенем своим проклинаю... Все потеряешь... все...»

Бесовский огонь погас, и сам бес исчез. В пасть Тихону хлынула вода, он захлебнулся. Беспомощно повел руками, превращаясь уже не по своему желанию. «Конец... Прощай, Грунюшка...»

Но тут огромные челюсти подхватили его, аккуратно сжав поперек туловища, и потащили вверх. Через несколько мгновений Тихон уже лежал на парапете, выкашливая противную речную воду. Рядом стучала зубами Груня, пытаясь подняться на ноги. Из реки слышался хохот водяного.

– Бегите! А то скоро сюда оба колдуна явятся.

– Что ты им... скажешь? – едва выговорила Груня. Зубы у нее лязгали.

– Уж найду что сказать. А следы ваши смою. Бегите!

– Б-благод-дарю... – прокашлял Тихон.

– Не за что, – булькнул водяной. – Если бы ты утонул, дочка мне не простила бы!

– Дочка? – Груня подхватила Тихона под руку и потащила

за собой.

– Не было... у нас... ничего... – Он едва двигал ногами.

– Это хорошо... Ну же, Тихон, шевелись. Догонишь – поцелую!

«Откуда у нее только силы берутся?» – позавидовал он. И тут же сообразил, что лучше опять перекинуться. В шкуре теплее, чем в одежде, и сохнет она быстрее.

Гругаш взвизгнула, когда рядом с ней запрыгал рыжий заяц. К дому Тихона они примчались одновременно, но она все равно его поцеловала. А больше ничего у них не сланилось – сил хватило только на то, чтобы забраться под одеяло, прижаться друг к другу и уснуть.

* * *

На дне сундука у Тихона давно ждала своего часа прялка-корневушка. Еловая, легкая, с нарядными узорами. Небось в Шотландии таких не делают. Домовой достал прялку, придирчиво осмотрел, протер рукавом. Постоял, унимая расхолодившееся сердце, и решительно нырнул через заваленку на двор. Хозяева и служанка с конюхом ушли к обедне, и Груня, на таясь, грелась на теплом весеннем солнышке. Посмотрела на него с удивлением.

– Что с тобой, Тиша? Случилось что-нибудь?

– Да... Нет... – Он сглотнул. – Ты прясть умеешь?

– А ты для чего интересуешься?

– Вот, – он вытащил из-за спины прялку, – это тебе.

Гругаш взяла подарок. Осторожно потрогала резные узоры.

– Красиво. А что это означает?

– Ох ты! – Тихон всплеснул руками. – Ты ведь не знаешь! Ну смотри. Прялка – она как Дерево жизни, вот тут сверху солнышко и луна. Рядом вещие птицы поют.

– А это? – Длинный палец ткнул в частые ромбы с точками.

– Это... – Тихон смутился. – Земля засеянная. Чтобы, значит, детки родились.

– Детки? – Перламутровые глаза сощурились. – Ты ко мне сватаешься, что ли?

Тихон набрал в грудь воздуха и ответил – как в прорубь сиганул:

– Сватаюсь. Пойдешь за меня, Грунюшка?

Она помолчала. Окинула его взглядом с ног до головы, как в первый раз увидела.

– Не обижайся, Тихон. Нравишься ты мне, и хозяйство у тебя крепкое. Но гругаши замуж не выходят.

– Гругаши? – Он неприятно удивился. – Так это не имя?

– Кто же настоящее имя говорит? Имя – это власть. – Она погладила прялку и вдруг улыбнулась. – А может, и скажу. Если все бросишь и со мной уйдешь.

Тихон окончательно растерялся. Огромные переливчатые глаза оказались совсем рядом, от паутинчатых волос сладко пахло ромашкой.

– Уплывем отсюда, Тиша, – шептала гругаш. – Не могу я здесь больше. Железо вокруг, решетки чугунные... Небо свинцовое, месиво снежное даже в апреле. А на Альбе круглый год тепло, зелено, утесник цветет... А летом вереск... Все поля лиловые, и медом пахнет. Найдем тебе богатую ферму, будешь жить, как брауни... И я с тобой останусь. Ты ведь мне жизнь спас, Тиша! Я этого не забуду.

– Да как же это... – беспомощно бормотал домовый, шалея от поцелуев. – Через море? Не смогу я, не проси... Здесь тоже хорошо, Грунюшка... Уйдем из города, если хочешь. К троллям уйдем, к чухонцам в деревню лесную. Там красиво! Ягоды коврами, грибы хороводы водят, валуны каменные, как в Шотландии твоей... Иван-чай цветет не хуже вереска! Грунюшка... Да что же ты делаешь?! Увидят ведь!

Он подхватил ее на руки, одним махом перенес в свой закут.

– Какой ты горячий! – Гругаш хихикнула. – погоди, я переменюсь. Ни к чему мне пока дети.

Тихон ахнул, почуяв под ладонями чужое колдовство. Разжал руки, уронив гругаша на лавку. Попятился.

– Ты чего это?.. Ты зачем?!

– Говорю же, не время мне детьми обзаводиться. Ну что ты так смотришь? Вы, домовые, – оборотни. А мы, гругаши, по-другому умеем меняться: когда надо – женщины, когда надо – мужчины. Чего ты испугался, глупый? Так тоже хорошо будет.

Рубашка отлетела в угол. Тихон в ужасе уставился на тощее тело под копной белесых волос. Лицо у гругаша почти не изменилось, только сильнее заострились скулы. А вот остальное... – Иди ко мне... – Лукавая улыбка тоже осталась прежней.

– Я тебя приласкаю.

Тихон нашарил оброненную прялку и замахнулся.

– Я тебя сейчас приласкаю! Я тебя так приласкаю – отсюда до Альбы своей лететь будешь! Сей же час меняйся обратно! Стыд-то у тебя есть?!

– Не смей мне приказывать! – Верхняя губа гругаша дернулась, показав острые мелкие зубы. – Мне стыдиться нечего. А ты, если любишь, применишь меня как есть!

Тихон представил, что скажут соседи, когда увидят гругаша – в разных обличьях. И застонал.

– Нет... Не смогу я так!

По закутку пронесся смерч, залепив Тихону глаза паутиной. Когда он проморгался, гругаша уже не было. Только заскулило что-то в печной трубе и сгнуло.

Тихон сполз по стене, прижал к себе прялку и завыл в голос.

* * *

– Пожар! Горим!

Крики переположили всю улицу. Горел один из самых

справных домов, пятистенки с богато изукрашенными резьбой наличниками. И по-чудному горел – словно огненный столп пробился из подполья, разворотил печь и вырвался через трубу. Трещала, пузырилась краска на железных листах, покрывающих крышу.

Хозяин тащил за узду из распахнутых ворот коня, а тот метался из стороны в сторону, пугаясь и ревущего пламени, и собравшейся толпы. Хозяйка в наспех наброшенной шубе прижимала к себе увесистую шкатулку и слезно причитала о погибающем добре.

Зеваки оживленно переговаривались:

– Маланья говорила, домовый ей привиделся...

– Знамо дело – к пожару! Верная примета.

– Ну! А потом выть начал. Три дня без передышки, совсем житья не стало. Вот они попа и позвали – отслужить молебен, дом святой водой окропить.

– Так с утра надо было! Кто же на ночь-то глядя отчитывает... – Ох, батюшки! А поп-то где?!

– В окно выскочил!

Из развалившейся печной трубы вырвались клубы черного дыма, закрутились с воем. Зеваки боязливо попятились. – Свят, свят, спаси и помилуй... – С нами крестная сила!

Черный дым уплотнился, принял форму зайца, оторвался от крыши и помчался по небу, застилая звезды.

– Нечистый скачет!

Люди усердно крестились, особо пугливые порскнули кто

куда, подальше от обреченного дома. И только самые стойкие заметили, что пожар сам собой начал униматься, а когда прибыла пожарная бригада, погас совсем, словно не было уже в доме силы, раздувающей огонь.

* * *

В порту воняло так, что в носу свербело. Тихон высморкался, подтянул ремешок тощей заплечной котомки и решительно зашагал в сторону причала. Тому, кто все потерял, уже ничего не страшно.

– Куда прешь, дерефня? – послышался хриплый голос откуда-то сверху.

Тихон задрал голову. На пирамиде пустых бочек сидел маленький, меньше домового, человечек в огромной кожаной треуголке, в замурзанной куртке синего сукна, в полосатых вязаных чулках и черных башмаках с пряжками. Человечек курил длинную закопченную трубку, выпуская аккуратные колечки ароматного дыма.

– А в глаз? – хмуро буркнул Тихон. – Ты кто такой, чтобы честного прохожего лаять?

– Я-то? – Незнакомец докурил и не спеша выбил трубку.

– Я Клабаутерман.

– Слыхал, – кивнул Тихон.

Корабельный дух недоверчиво хмыкнул.

– И что именно ты слыхал?

Причину его настороженности Тихон понимал очень хорошо. Не все домовые признают свое родство с корабельными, хотя все они, по сути, одно дело делают. Корабль – дом для моряков, а дому без хранителя никак нельзя. Тихон слышал и о корабельных никсах, и о Клабаутермане, и о каботерах. Клабаутерман из всей этой корабельной братии считался самым серьезным и трудолюбивым: конопатил щели в обшивке, чтобы не было течи, чинил снасти, помогал с парусами... Его уважали и люди, и нелюди.

Пока Тихон сбивчиво излагал то немногое, что знал о корабельных, Клабаутерман обстоятельно набивал трубку. Закончив, убрал кожаный кисет в карман коротких штанов и снова хмыкнул, но уже без неприязни.

– Ладно, родстфенничек, гофори, с чем пожалофал?

Тихон посопел, тоскливо разглядывая корабельные мачты.

– В Англию мне надо.

– Ф Англию?! – взвизгнул Клабаутерман, выронив огниво.

– От хозьяеф, что ли, отстал?

– Один я... – Тихон шмыгнул носом. – Так покажешь корабль? Я заплачу.

– Показать не трудно, – пожал плечами Клабаутерман и принялся раскуривать трубку, разглядывая при этом домового, как диковинную зверушку.

Тихон стоял, переминаясь с ноги на ногу, и медленно закипал. Все-таки надо было дать в глаз этому коротышке!

Небось нарочно русские слова коверкает.

– Я даже плату с тебя не фосьму. – Корабельный выпустил красивое колечко дыма. – Ни разу еще такого чуда не фидел, чтобы домофой сам по себе решил через море перебраться! За чем тебе ф Англию, братец?

Тихон вздохнул.

– Не серчай, но это мое дело.

– Ладно, – не стал настаивать Клабаутерман. – Фо-он тот флаг фидишь? С тройным красно-белым крестом? На него и держи курс. Как раз то, что тебе надо. Груз, прафта, не мягкий – железо. Опоздал ты, братец. Только-только «Королефа Фиктория» отчалила – с пенькой и парусиной. А хочешь, я тебя на «Фельфарен» пристрою? Они пеньку, канаты и деготь грузят. Голландия, как по мне, лучше, чем Англия.

Голландия... Сказочная страна синих мельниц, нарядных домиков и маленьких лошадок с тележками... Тихон мотнул головой.

– Нет, мне в Англию надо.

– Любите фы, русские, фсе английское, – пренебрежительно фыркнул Клабаутерман. – А за что любите, и сами не знаете. Таких фысокомерных тфарей, как альбионцы, специально искать будешь – не найдешь. Хоть гругашей фозьми...

– Что?! – Тихон рванулся вверх по бочкам. – Где ты гругаша видел? Здесь? Когда?!

Голубенькие глазки Клабаутермана весело заблестели.

– Приятель тфой? Уж не тебя ли он три дня ждал? Фсе ко-

рабли ф порту перебрал и от каждого нос форотил. То имя не нрафится, то боцман косой, то паруса грязные. Так и метался, пока сегодня один купец не приехал тофары фстречать.

– Мерлиз?! – У Тихона оборвалось сердце.

– Он самый. Гругаш его как уфидел, так сразу на «Королефу» запрыгнул, и на паруса не посмотрел. Если у тебя дело срочное, можно записку отпрафить с чайкой. Фсего за рубль.

Тихон высмотрел удаляющиеся мачты «Королевы Виктории». Как быстро плывет груженный корабль? Чайка, конечно, догонит. Только нет таких букв, чтобы написать, как душа болит. А может, он еще успеет?

– Благодарствую! – Тихон потряс мозолистую руку корабельного, скатился с бочек и побежал.

Клабаутерман озадаченно покрутил головой. Чего только на свете не случается! Будет о чем рассказать приятелям за кружкой пива.

* * *

Порт не спал даже ночью и оказался настоящим лабиринтом. Тихон шнырял между тюками, бочками, бухтами толстенного каната, штабелями досок и ящиков. То и дело шарахался от пьяных матросов. И уже понимал – не успеет.

«Поклониться царю морскому... – бились в голове лихорадочные мысли. – Чтобы не потопил... Доплыть, догнать...»

Грязная вода в гавани пахла гаже речной. Тихон осмотрелся, заметил широкую просмоленную доску. Пыхтя, потащил ее к краю причала.

– Тихон!

Он решил – померещилось. Замер, не смея обернуться.

– Тишенька...

Сердце забилося пожарным колоколом. Домовой выпустил доску и несмело повернул голову. Гругаш стоял в трех шагах. Чужая матросская рубаша промокла насквозь, волосы скручены в небрежный узел.

– Ты же... – Тихон облизнул пересохшие губы, – на корабле... Спрыгнул, что ли? Как же ты? Ведь плавать не умеешь!

– Как-то сумел, – гругаш несмело улыбнулся. – Мне почудилось, что ты где-то поблизости.

Они постояли, потупившись.

– Ко мне пришел? – еле слышно спросил гругаш.

– К тебе, – еще тише ответил домовой. – Нет мне без тебя жизни. Захочешь – в Англию с тобой уплыву. А захочешь – на край света.

Он моргнуть не успел, как гругаш оказался рядом.

– Любишь все-таки... И я тебя люблю.

– Правда?

– Я никогда не лгу. Не могу лгать. – Худощавые руки обхватили Тихона за шею.

Домовой неловко ткнулся носом в мягкие волосы, каким-то чудом еще пахнувшие ромашкой. Знать, такая у него

судьба непутевая. И не надо ему другой.

– Корабль-то уплыл. А следующий – с железом. Тебе на нем плохо будет.

– Да что корабль! Давай лучше у троллей поселимся. Ты так красиво про их землю говорил... И я хочу еще раз попробовать мухоморовку.

Тихон задохнулся от облегчения. Нравы у троллей не в пример более вольные, чем у домовых. О лучших соседях и мечтать нельзя. И через море это ужасное не плыть!

– Вот и хорошо, – прошептал он. – Вот и ладно... А все-таки... девкой ты краше. Переменись, а?

На этот раз смех гругаша прозвучал легко и чисто, словно заиграла целая, без трещинок, дудочка.

– Алвин, – шепнула она ему на ухо. – Меня зовут Алвин³.

³ Кельтское имя Алвин имеет два варианта: Alwyn – женское; Alwen – мужское.

Ольга Рэд

Справедливость

Кикимора растерянно смотрела на снующего туда-сюда злющего водяного, не зная, как его успокоить.

– Нет, ну ты посмотри, глянь только, как они тут все испортили! Я пятьсот лет здесь живу! Пятьсот! И за все это время никогда не было столько мусора, как за последние три года! Ну как, как можно было так все испохабить?!

Водяной, совершенно не смотрящий перед собой, с размаху налетел хвостом на большую твердую шину от грузового автомобиля и весьма неизящно высказался по этому поводу. Кикимора покраснела и не выдержала:

– Вадя, ну что ты, в самом деле... У тебя же давление, и соль в крови повышена...

Водяной глянул в ответ так, что кикимора съежилась и замолчала.

– Соль! Соль! Да какая разница! Если все такими темпами пойдет, лет через пять озера-то не останется вовсе, а ты – давление... – Но водяной все же чуть успокоился, отдышался, и даже начал принимать нормальный бледно-голубой цвет, вместо странного иссиня-бордового. Плюхнувшись в изнеможении на кучку ила, он горестно вздохнул.

– И ведь, Кир, что самое обидное, и сделать ничего нель-

зя! Вот раньше как: высунулся из воды, ухнул разок, гикнул – и разбежались все хулиганы! Слухи распустили, и лет двадцать потом на версту никто не совался! А сейчас что? Только хвостом плесни, чтоб кто заметил, и тут же понабегут... как их там... их тиандры и фуфлюлоги эти...

– Ихтиологи и уфологи?

– Да, вот, точно! Они самые! А все тот хлыщ виноват, чтоб его! – Водяной погрозил кулаком невидимому врагу. – «Смотрите, дорогие подписчики, какое мистическое озеро затерялось в глубине леса...» У-у-у! А говорил я, топить его надо было! А ты – нельзя, нельзя... И что теперь? Каждый день теперь люди приезжают, каждый! И топчут, и сорят... Я даже на берег это выкинуть не могу, чтоб никто не заметил! На дне живого места не осталось, куда закопать. А они едут и едут!

Хозяин озера опять вскочил, схватил дрейфующий мимо пакет, вытряхнул запутавшуюся рыбку и засунул его в шину, к сотням других.

Кикимора молчала. Ей нечего было сказать, потому что ее родное болото осушили еще лет десять назад, и, если бы Водяной ее не принял, осталась бы она бездомной, да и высохла еще до исхода лета.

Тишину нарушил звук мотора и шорох шин по грунтовке.

– Вот видишь, – горько вздохнул водяной, – опять приперлись...

– Ну ладно тебе, Ваденька. – Кикимора погладила хозяина

озера по холодному плечу. – Может, эти нормальные и убе-
рут за собой... А помнишь компанию, которая все бутылки
на южном берегу собирала? А семью, которая пакеты из
воды выловила? Что ты сразу расстраиваешься?..

Водяной еще раз вздохнул и проворчал:

– Вспомнила... Это было год назад! Ну давай, посмот-
рим... И они затаились в камышах, наблюдая за приезжими.

Из красного кроссовера вылезли, потягиваясь и разминая
затекшие ноги, три человека: двое взрослых и ребенок лет
двенадцати.

– Ой, фу, – сморщила симпатичное личико женщина, –
насорили-то как... Костик, ну ты же обещал, что тут будет
дикое место! Отдых на лоне природы! А здесь помойка ка-
кая-то!

– Люсь, ну я, когда того блогера смотрел... – виновато на-
чал Костик.

– А, ну все, дальше можешь не объяснять, – обреченно
махнула рукой Люся, – блогера он смотрел... Ты хоть про-
верил, сколько лет этой записи?

Костя опустил голову.

Кикимора и водяной переглянулись.

«Я знал, все из-за того хлыща!» – говорил взгляд водяно-
го.

«Смотри, не так все плохо: им не нравится мусор», – пы-
талась знаками показать кикимора.

– Ну как так можно? – продолжала возмущаться Люся. –

Приезжают в лес, а ведут себя как на фестивале! Будто тут есть армия персонала, готового за ними убирать!

– Поедем домой? – тихо спросил Костя.

– Да ты совсем сдурел! Мы сюда пять часов ехали! Нет уж, жарь теперь шашлык, а там посмотрим. – И Люся, взяв из багажника раскладной стул, устроилась на берегу озера, всем своим видом показывая: раз муж так ошибся с выбором места, то трудиться он должен один.

В это время оставшийся без внимания ребенок доел шоколадку и бросил обертку прямо на землю. У водяного глаза стали как блюдца; кикимора нахмурилась.

Может, родители просто не заметили?

Но нет.

Погрустневший Костик, не стесняясь, выкинул бутылку из-под пива в кучку, оставшуюся от его предшественников. Люся лузгала семечки прямо на землю, а их сын закусил шоколад чипсами и запил колой, выбрасывая мусор прямо там, где заканчивал есть и пить.

Водяной, побагровев, шумно нырнул.

– Вадя, ты что так громко? Они даже обернулись! – причитала едва поспевающая за ним кикимора.

– Кира, да пузыри я пускал на шум! Ты это слышала?

– Слышала... Ну что поделать, тоже некультурные попались – что, в первый раз, что ли?

– Не-е-ет, друг мой! Тут совсем другое! Ты слышала, как они возмущались, когда приехали? А сами?! Я могу еще

понять, когда люди невоспитанными бывают. Что сказать, трудно быть человеком. Ни тебе бессмертия, ни волшебства хоть капельки. Вот и случается, что мозгов набраться не успевают некоторые, и детям нечего передать, – это все понятно. Но эти-то знают, что мусорить плохо! И осуждают тех, кто был тут до них! Это, Кирочка, совсем другое дело...

Водяной замолчал и начал снова метаться туда-обратно, на этот раз сосредоточенно огибая шину.

Через несколько минут он остановился и хмуро посмотрел на кикимору.

– Это так оставлять нельзя. Надо их проучить.

– Вадь, нельзя нам показываться! Видео запишут, в интернет выложат, и через сутки тут толпа будет с камерами, эхолотами и черт знает с чем еще! Забыл, как Несси попалась? Уж сотню лет как переехать пришлось, а они все шныряют! А Йети? До сих пор у родни в Гималаях прячется! Куда мы денемся с тобой, если нам отсюда уйти придется?

У водяного больно сжалось сердце: кикимора была права в каждом слове. Но он же хозяин озера! А какой хозяин позволит разрушать свой дом, да еще и так подло?

Несколько мгновений Кира умоляюще смотрела на водяного, но поняла: не передумает. Она тяжело вздохнула и спросила только:

– С чего начнем?

Глаза водяного зажглись озорным огнем.

– Что, не потеряла еще хватку? Есть у меня несколько

идей... Но без тебя мне не справиться!

* * *

Тем временем на берегу восстановился мир. Подобревшая после шашлыка Люся согласилась все же остаться на ночевку, и даже помогла с палаткой. Недоволен был только сын Антон:

– Ма-а-ам, ну, может, домой поедем? Тут скучно... и комары...

Притаившийся в кустах водяной тут же дал команду комарам: отступаем! Ранний отъезд незваных гостей теперь в его планы не входил.

Люся дернула плечиком и ответила:

– Сына, ну что ты выдумываешь, нет тут никаких комаров. А если тебя и кусают, то потому что ты слишком сладкий. Я шоколада взяла на всех на два дня, и где он, а?

Антон вздохнул и уткнулся в телефон.

Повеселевший Костя закинул удочки, и кикимора не стала мешать улову. Через пару часов на костре весело булькала уха.

– Все, я спать! – заявила Люся.

– А уха?

– Никакой ухи, поздно уже. Утром поедим. Мальчишки, отбой! Антон, ну вылезь ты из телефона! И вообще, отдай его мне, я со своим на зарядку поставлю. Костя, где там это твое

чудоустройство?

Семейство немного посуетилось перед сном и наконец затихло в палатке.

Первое, что сделал водяной – напустил густой-густой туман, на всякий случай. А потом кикимора тихонько подкралась к палатке и стянула все телефоны вместе с накопителем. И начала методично и с большим удовольствием пристраивать мусор, который гости озера выбросили за день.

Мелко нашинкованные обертки от шоколадок нашли пристанище в котелке с ухой, вместе с приправой из семечковой шелухи и объедками от шашлыка. Кира не поленилась выудить из кучи бутылок именно Костины и, тихонько их расколов, щедро посыпала землю у колес автомобиля, добавив для верности десяток ржавых гвоздей, а остатки стекла разложив перед выходом из палатки. Пластиковые бутылки она оплавил на тлеющем костре и распихала по карманам рюкзака, а последнюю, не удержавшись, сунула под капот незапертого автомобиля. Еще чуть подумав, напустила в машину больших кусачих рыжих муравьев.

Трудно сказать, до чего бы еще дошла ее фантазия, но внезапно раздался волчий вой. Кикимора удивилась, но поняла, что настало время второго этапа. И, прихватив трофеи в виде трех смартфонов, затихла в кустах неподалеку.

– Кость... а это что? – шепотом спросила Люся.

– Не знаю.

– А это не волки?

– Да ну вряд ли... Откуда тут волки, это ж не тайга. Наверное, собаки из какой-то деревни по лесу бегают. Может, их на ночь с цепи спустили?

– Очень много ты понимаешь в волках и где они водятся. У тебя в школе по биологии что было?

– Тройка.

– Вот видишь?

– Тихо ты, Антона разбудишь... Вой повторился.

– Иди посмотри, что там! – распорядилась Люся.

– Ты совсем, что ли?

– А кто говорил, что тут не может быть волков! И вообще! Ты думаешь, если это волки, то их эта палатка остановит? Это как фантик на конфетке! Иди лучше костер разожги!

Костя, вздохнув и матерясь про себя, вылез наружу. И тут же взвыл, окончательно разбудив все семейство. Люся выскочила из палатки и быстро влилась в дуэт:

– А-а-а, мамочки! Что ж такое! Откуда это? Когда палатку ставили, не было ничего! Это ты сюда бутылки свои выкинул?!

– Люся, я что, совсем дурак, что ли? Я их в другом месте складывал!

– Да что ты мне врешь-то? Мы с Антоном из пластиковых пили, а палатку я собственноручно ставила, и не было тут никакого стекла! А у тебя мало того, что мозгов нет, так еще и совести! Налакается пива, а потом вспомнить ничего не может!

– Мам, пап, что вы так орете?

– Антон, сиди в палатке, тут осколки на земле! Костя! Где этот чертов фонарь? И аптечка!

– В машине, сейчас принесу... – Мужчина, охая, осторожно доковылял до автомобиля, нашарил в темноте фонарик, включил его и почти сразу же отбросил.

– Твою мать!

По фонарю, по аптечке, по всем припасам, оставшимся в машине, а теперь еще и по Косте ползали огромные муравьи. Которые совершенно не оценили попытки их стряхнуть и начали нещадно кусаться.

На вопли, шипя и морщась, прибежала Люся.

– Да что ж тебе доверять-то ничего нельзя? Чего орешь?

– Муравьи в машине!

– А на фига ты ее открытой оставлял?!

– Да кому она тут нужна?

– Ну вот, видишь, нужна, оказывается! Спасибо, хоть в муравейник не утащили! Где фонарь?

Охая и ругаясь, им все же удалось разыскать выключившийся от удара о землю фонарь и отвоевать у муравьев аптечку. А как только пара расположилась и начала обрабатывать раны, в дело вступили комары.

Водяной постарался и созвал не только местных, но и всех, кто только мог успеть долететь.

– Костя, давай быстрее, – шипела через стиснутые зубы Люся, пока муж мазал ей порезы зеленкой.

– Люся, не дергайся, я пытаюсь понять, нет ли у тебя там осколков.

– Мозгов у тебя в голове нет! На фиг я только согласилась на всю эту гребаную романтику!

«На фиг я тебя сюда взял, вместо того чтоб с Михалычем на рыбалку поехать...» – с тоской думал Костя.

– Быстрее, пока они нас в кусты не унесли! – ерзала Люся. Едва закончились лечебные процедуры, она скрылась в палатке, бросив незадачливого супруга на растерзание голодным кровопийцам.

Через полчаса семья воссоединилась, убила всех просочившихся внутрь комаров и затихла.

И опять раздался вой – еще громче, чем прежде.

– Костя, блин! Ты что, костер не развел?!

– Люся, какой костер, я там забыл обо всем... – Забы-ы-ыл! А вот волки про нас помнят! Дуй давай!

– Там комары!

– И что? Я, что ли, туда идти должна? Или сына пошлем? Учти, я тебе второго рожать не буду!

«Я и первого не просил», – едва слышно пробормотал Костя, но наружу все-таки вылез. Надеялся, что дым от костра разгонит гнусов, но надежды не оправдались. На найденный в аптечке репеллент комары воскликнули: «О, приправа!» – и с удвоенной силой накнулись на главу семейства.

Через полчаса озверевший Костя твердо решил, что один он страдать не будет, и разбудил едва уснувшую супругу.

– Люся! Вставай! Я тут подумал: какой пример мы подаем сыну? Семья должна вместе преодолевать тяготы и невзгоды! Ты же не хочешь, чтобы потом какая-то фифа на нем всю жизнь ездила?

«Как ты на мне», – мысленно продолжил он.

Водяной, задыхаясь от беззвучного смеха, слушал перебранку о правильном воспитании детей и тревожился только об одном – чтобы Кира успела закончить до рассвета.

А до него оставалось совсем немного.

Составленный в спорах график дежурств не соблюдался: уже через двадцать минут Люся решила, что сын достаточно взрослый, чтобы последить за костром; Антон выдержал всего полчаса и разбудил Костю со словами: «я вообще сюда ехать не хотел!».

В конце концов измученные отдыхающие решили перекусить ухой и с первыми лучами солнца выдвигаться к дому.

Первым неладное заметил Антон.

– Фу, а можно я не буду это есть? – скривился он, разжевывая размокшую обертку шоколада и раскисшую шелуху от семечек.

– Сын, суп есть полезно. А этот вообще натуральный, на рыбе, которую поймал твой отец! – назидательно ответила Люся, хлебавшая только бульон.

«Странно, чешую, что ли, плохо почистил?» – молча недоумевал Костя.

А потом Люся поковырялась в миске в поисках рыбы и заметила черную шелуху.

– Костя, твою мать! – непедагогично взвизгнула она, отшвыривая еду. – Ты что, котелок не закрыл?! Туда шелуху от семечек нанесло и бог знает что еще! Ты совсем идиот? За что ни возьмешься, ничего толком сделать не можешь! Да что ты за неудачник такой!

– Да! Неудачник! И идиот! В первую очередь потому, что женился на тебе! – не выдержал злой после бессонной ночи супруг. – Как у тебя это получается? Семечки наплевала ты, а виноват я! Я место нашел, палатку купил, привез вас, шашлык приготовил, рыбы наловил, уху сделал! А вы что? А вы, конечно, молодцы, ни разу не ошиблись. Потому что не делали ни хрена!

Ходите только и ноете, как вам все не нравится!

Началась грандиозная ссора. Но водяной уже не следил за событиями, приговаривая только: «Кира, ну давай быстрее,

ну же...»

– ... и вообще! Еще слово – и домой пешком пойдете, я вас не повезу! – выкрикнул разбушевавшийся Костя. – Собирайтесь немедленно, и чтобы через десять минут все были в машине!

Хозяин озера, так и не дождавшийся сигнала, понял: больше тянуть нельзя.

Грянул гром. Из ниоткуда начался такой ливень, что семейство, позабыв про ссору, спряталось в машине. Через стену воды нельзя было разглядеть ничего дальше, чем на метр, но водяной все же заметил, как к палатке приблизилась тень. Он облегченно выдохнул, когда тень нырнула в озеро.

Дождь кончился так же внезапно, как начался. Сбитые с толку, гости озера собрали только самое дорогое: палатку, снасти и намокшие смартфоны – и, оставив после себя ужасный беспорядок, уехали.

Но водяной совершенно не переживал по этому поводу. Они с кикиморой, смеясь и перебивая друг друга, делились ночными событиями.

– А потом он такой: «Людмила, ты же сама говорила, родители должны быть ролевой моделью!», а сам чешется весь, – хохотал водяной. – Утром я прям боялся, что ты не успеешь!

Что ты так долго-то? Скажи, все получилось?

– Да, – сияла кикимора, – я почти сотню отзывов с левых аккаунтов оставила о том, как тут ужасно: мусор, комары,

клева нет.

Фотки выложила и историю за собой подчистила! Еще жалобу хотела муниципальным властям написать: верный знак, что тут тогда лет тридцать никто не появится, да не успела уже!

– Какая ты умница! И где только этому всему научилась? – восхищенно спросил хозяин озера.

Кикимора скромно потупилась, и румянец проступил на зеленоватых щеках.

– Болото мое долго осушали, а мне что было делать-то? Вот я и подслушивала, и телефоны по ночам брала. Я и твое-то озеро через гугл-карты нашла! А как ты волков помочь уговорил? Они же клялись, что никогда с людьми связываться не станут. – Да они и не связывались... – Это ты, что ли, был?

– Я. Какие только, Кирочка, таланты в себе не откроешь, коли нужда заставит...

Они немного помолчали, размышляя каждый о своем.

– Вадя... А как думаешь, не слишком сильно они разругались? Помирятся еще?

– Тебе что, жалко их? – возмутился водяной.

– Нет, конечно! – Кира неловко почесала спутанную шевелюру цвета тины. – А все ж таки лучше, чтобы они из-за нас не развелись...

Водяной вздохнул и, подумав, ответил:

– Они, когда уезжали, наверняка себе шины порезали.

Значит, будут колеса менять, а то и помощи ждать. Может, и помирятся заодно. А если нет, и они в трудное время только сильнее разругаются – да разве ж это семья?

* * *

Спустя несколько тихих дней осмелевшие водяной и кикимора принялись наводить порядок: доставали со дна бутылки и складывали их в заранее вырытую кабанами яму; просушивали пакеты, чтобы сжечь их потом на костре, сортировали забытые туристами вещи. Но вдруг слышали до боли знакомый звук – шорох шин, причем было件нятно, что машина не одна.

Переглянувшись и побледнев, хранители озера скрылись в воде.

«Неужели я где-то ошиблась?» – в панике перебирала свои действия Кира.

Из пяти автомобилей на берег высыпала компания людей, от молодых до не очень. У всех в руках были огромные пакеты, но, что удивительно, – пустые. Неожиданные гости ничего не доставали из машин, наоборот – начали собирать мусор, а плотно набитые мешки складывать в багажники.

Изумленным кикиморе и водяному пришлось заплывать поглубже, потому что самые отчаянные уже залезали в озеро и доставали мусор из воды и с илистого дна.

Молоденькая девушка, кокетливо наклонив голову, сфо-

тографировалась на фоне сосредоточенно работающих людей. К ней тут же подошел мужчина в футболке с надписью «I Love nature» и с очень строгим выражением лица. – Леся! Мы же это обсуждали!

Девушка тут же съежилась и пропищала:

– Пал Николаевич, да знаю, знаю я: никаких соцсетей! Это так, маме показать... Ну, друзьям, может, еще... Я помню, нельзя говорить, где это место! Ни при каких условиях!

– Молодец. – Мужчина немного расслабился. – Это правило не просто так придумано. Раньше мы свою деятельность пиарили, светили везде, думали – так активистов больше будет. А в итоге все места, которые мы убрали и об этом рассказали, за пару месяцев загаживали еще сильнее, чем до нашего прихода было! Счастье любит тишину. Ты же не хочешь, чтобы тут опять стало... вот так, ради десятка лайков?

Девушка, немного подумав и тяжело вздохнув, удалила фотографию и пошла собирать развешанные кикиморой на просушку пакеты.

Хозяин озера смотрел на стремительно очищающийся берег и не мог сдержать слез. Кира стояла рядом тихо-тихо, боясь помешать. Она знала, что только так у водяных уходят лишние соли, а для Вадя это будет очень полезно: у него – давление.

Вера Сорока

Кран

А потом мы уронили кран. Вовсе уронили, ну как есть! Падал он медленно и величаво. Кренился, будто большой раненый зверь. С рыком да предсмертным скрежетом заваливаясь вперед и немного набок.

Вокруг было тихо-тихо. Так тихо, как бывает только зимой под вечер в небольшом поселке.

А мы, значить, стояли на краю опушки и заворуженно глядели на эту маленькую, но шибко важную для нас победу.

«Не будет здесь стройки, – подумалось. – Пока живой я, не будет». И почуял, что с некоторых пор мои мысли и слова и впрямь весомы. Такая тогда меня сила да радость наполнила. До самого краешка: двинешься – выплеснется. Точно в прорубь ухнул. Хотелось дышать поглубже, плясать и прыгать от счастья. Ну это и понятно, любой нечисти жертвоприношения что вино: будоражат кровь и, пускай на миг какой, но делают могучим, словно бог взавправдашний. А человеческие жертвоприношения, они-то во сто крат сильнее.

Выходит, крановщик-то помер. Да и те, которых леший в лесу заморочил, вряд ли вернутся. Жаль, конечно, ну да Степаныч существо хищное, ему тоже питаться надобно. И пусть люди думают, что места тут гиблые. Значит, больше не

сунутся.

– Все, расходимся, – прервал мои мысли Домин. Он был среди нас самый древний и навроде как заместо старосты.

– Ты это, выручил нас всех. Кланяюсь тебе, – сказал он чуть слышно и положил мне руку на плечо. Я от того малость в снег ушел. – А за человека не горюй. Это все на доброе дело, – огладил бороду, глянул на меня так пристально-пристально своими глазами-подсолнухами (и как только не выцвели за столько лет), да и пошел, оставляя кошачьи следы на пушистом снегу. Видать было, что хотел что-то прибавить, но не сложилось. Ну да еще успеется.

А остальные наши и правда безмолвно кланялись мне и вместе с Котами тоже уходили восвояси.

Так помаленьку стемнело, и мы с Кошкой остались совсем одни. Видели, как вышел Дух того человека, что на кране сидел. Он не злой был, побродил немного и начал истаивать. Никто за ним не пришел. Значит, уже не впервой уходит, путь знает. Да и не цеплялся он совсем. По всему видать было, что притомился жить и ни за что тут уже не держится.

– Вот и зима, – сказала Кошка. Кошки, они всегда зрят в корень и попусту не болтают. – Зима, – подтвердил я.

А закрутилось все аккурат в начале весны. Такой уж порядок. Все уложено вчетверо. Времена года, стихии, углы избы. И жизнь человеческая из четвертей скроена: детство, зеленость, сила да трухлявость. Это только в сказках дурных три – число волшебное. А в жизни завсегда есть еще что-то,

что глазу, может, и не видно, но душа-то чувствует, ее не обмануть.

Вот и вся эта история началась из-за четырех. Приехали, значить, по весне четверо городских. Да не просто городских, а столичных. И мы, все как один, беду-то эту упустили.

* * *

– Ма-а-а-ам! – Катя влетела в квартиру румяная и запыхавшаяся. А за ней стало вползать целое облако зимнего пара из подъезда. Она прихлопнула облако дверью и принялась снимать валенки, наступая одним на другой. Валенки стягиваться не желали, а желали запутывать ноги и запинаться. Но девушка справилась и побежала по коридору, сбросив шубу прямо на пол и на ходу стягивая шарф.

– Мамочка, радость-то какая! – Девушка вбежала в зал и только тогда остановилась, чуть проскользив по деревянному полу. – Нас сносят!

– Как сносят? – Ирина Владимировна от неожиданности захлопнула книгу. Она сидела в типовом угловатом кресле со старым томиком в руках.

– Мамуль, да ты не переживай! – Катя плюхнулась на ковер у маминых ног. – Приехали какие-то москвичи. Хотят покупать землю и отстраивать поселок заново. А нас под снос. Зато дадут новую квартиру в большом хорошем доме.

Ирина Владимировна вздохнула, надела очки в пластмас-

совой оправе и принялась искать место, на котором остановилась.

– Катенька, – сказала она, уже почти вернувшись в обволакивающий мир поэзии, – мы в нашей глуши никому не нужны. И если эти твои москвичи не полные дэбилы, то уже к вечеру отморозят носы и уедут домой.

– Так вроде бы нефть в лесу нашли, – уже не так уверенно сказала Катя.

– Нефть? – Ирина Владимировна снова нехотя оторвалась от книги и недоверчиво взглянула на дочь поверх очков. – Насколько мне известно, когда находят нефть, строят буровую, а вовсе не жилые дома. Или коммунизм все же победил, а мы с Мандельштамом все пропустили?

– Нет, мам, вы с Мандельштамом ничего не пропустили, – уныло отозвалась Катя.

Ей, как и любой девушке из поселка (которых, впрочем, можно было пересчитать по пальцам), очень хотелось вырваться из болота обыденности и ринуться навстречу блистательному будущему. Ехать к этому самому будущему она не могла, не хотела оставлять маму. Но совершенно не возражала, если бы будущее приехало само. Поэтому расставаться с перспективой красивого высотного дома, освещенных улиц и торговых центров было безумно обидно.

Нет, она любила свой поселок. Такой знакомый лес, озеро за холмом и старый теплый дом с горами книг. Любила, когда утреннее солнце медленно заползает в сервант и там за-

игрывает с бабушкиным сервизом. Облизывает мелкие полевые цветочки на чашках и, уже окончательно распоясавшись, устраивает целое представление в хрустальных фужерах. Любила свою кошку Росу. Пушистую, как медведь. А до того любила рыжего кота Апельсина. С ним они вместе выросли и по нему она впервые по-настоящему горько плакала. Любила и размеренность деревенской жизни. Реальные потребности и оттого бесхитростные запросы. А еще очень любила маму, строгую учительницу русского языка и литературы.

Но все вокруг твердило ей о том, что нужно куда-то стремиться и всегда желать большего. Счастье в переменах – вот что слышалось ей отовсюду. И противостоять тому не было совершенно никакой возможности.

– Ладно, мам. Будем ужинать?

Катя встала и поплелась в свою крохотную комнатку с узорчатым ковром на стене. К ужину следует переодеваться, так было заведено в доме. И даже если дом снесут, порядок этот останется незыблем.

– Не загадывай и не расстраивайся раньше времени, – крикнула ей вслед мама. И уже совсем тихо добавила: – Поживем – увидим.

* * *

Ну и я, значить, так же рассудил. Чего бежать-то вперед

лошади? Да и честно скажу: после той истории с Катиной бабушкой был я, будто картошка гнилая. Всю душу тогда из меня вынули, внутри одна труха осталась. Жил я и обязанности свои выполнял. Кое-как, конечно, ну да и на том спасибо. На что-то большее даже и не замахивался. Не до того мне было.

* * *

Но уже в мае стало ясно: не отморозили носы москвичи и взялись за нас всерьез. Как только дороги принялись подсыхать, стали столичные привозить разные чудные машины. Большие и шибко вонючие. Поставили, значить, лагерь и давай деревья валить.

Тогда уж взял я кусочек мяска, конфеток побольше и побег с Кошкой в лес. Там друг мой жил, Степаныч. Я поначалу все дразнил его, мол, какой ты лесовик с таким именем, ты ж степник. Он на это крепко злился. Но и отходил быстро. Добрый он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.